

ОЛИВИЯ ПОТТС

Я
справ-
люсь,
мама

КАК ПЕРЕЖИТЬ ПОТЕРЮ, ОБРЕСТИ ЛЮБОВЬ
И НАУЧИТЬСЯ ГОТОВИТЬ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Когда умирает родной человек, случается странная вещь: на все, что происходит в то же время, налагается особый отпечаток. Скажем, вы смотрите сериал, идете на пилатес или покупаете шоколадное печенье — и вдруг узнаете о смерти близкого.

В самом действии может не быть ничего особенного; смерть нередко настигает нас в самые будничные, рутинные моменты, ведь именно из таких и состоит наша жизнь. И вот вы начинаете снова заниматься обычными делами, но теперь они каждый раз напоминают вам о потере, и вы словно переживаете ее заново. Смотреть любимый сериал становится сложнее, пилатес теряет привлекательность.

Со временем горе притупляется и больше не воспринимается как резкий удар под дых: скорее, ноет, как старая рана. Боль уже не затмевает мир вокруг, а лишь неотрывно плетется на шаг позади и дышит в спину. Но шоколадное печенье... Теперь вы не сможете попробовать его, не вспомнив о моменте утраты. Ведь на тот ужасный миг вы забыли, как дышать, а ваше сердце раскололось надвое.

Кажется логичным просто отказаться от того, что навевает тяжелые воспоминания. Решить проблему, сбежав от нее побыстрее. Ведь можно найти другой сериал с похожим сюжетом и убедить себя в том, что не так уж вам и нравится пилатес. А уж печенье в мире, кроме шоколадного, пруд пруди. Проблемы возникают, когда, к своему

удивлению, вы понимаете, что проклятое занятие — дело всей вашей жизни.

Когда умерла моя мама, я пекла пирог. Тогда я еще не была поваром; я вообще не готовила дома, а питалась сэндвичами из кафешек, полуфабрикатами и фастфудом — стыдно признаться, сколько я его съела. На кухню я навевдалась редко, и когда это случалось, то дело обычно заканчивалось осевшими бисквитами, сгоревшим печеньем и жестким рагу. Но недавно у меня появился парень, который очень любил готовить, и мне захотелось его впечатлить. Однажды в выходные он предложил вместе приготовить что-нибудь для друзей. И я подумала: боже, какая ужасная мысль! Но вслух ответила: «Отлично!» Так вышло, что я очутилась на чужой кухне и пекла пирог вместе с парнем, которого почти не знала.

Тем временем в двухстах семидесяти пяти милях умирала моя мама.

Утром мы говорили по телефону. Я рассказала ей о новом знакомом, перечислила все его недостатки, точнее, все, что казалось мне недостатками: он сомневался, хочет ли детей, недавно вернулся к вегетарианству, и я почему-то восприняла это как личное оскорбление. «Не волнуйся, милая, — сказала мама. — Пригласи его познакомиться со мной. Я намекну, что твоя фигура создана для деторождения, и накормлю его пастушьим пирогом. У него сразу мозги на место встанут. Когда мы с твоим отцом познакомились, он был в голубом бархатном смокинге. Любого мужчину можно изменить». Я рассмеялась и ответила, что если мы с моим новым другом однажды поженимся, то я буду всем пересказывать этот разговор как анекдот. Мама зевнула, и мы попрощались.

Я еще не знала того, о чем узнаю спустя шестнадцать часов: мамин зевок был буквально лебединой песнью.

Такая обыденная, банальная штука... тогда я не подозревала, что он означает нехватку кислорода. Позднее я прокручивала наш разговор в уме и вспоминала этот зевок снова и снова. Ее организм уже готовился к тому, что вскоре должно было случиться. Но я была так зациклена на себе, даже не поинтересовалась ее самочувствием, хоть и пообещала позвонить на следующий день и рассказать, как прошел ужин. Лишь потом я поняла, какую злую шутку сыграла со мной жизнь.

Моя мама умирала в двухстах семидесяти пяти милях от меня. Но я ни о чем не догадывалась. Я пила, смеялась и, гордая собой, подавала гостям пирог с клементинами и миндалем — единственный, который умела печь. Потом я вымыла посуду — халтурно, потому что была пьяна. Парень — пока даже не мой! — перемыл ее, не сказав ни слова, потому что в начале отношений к таким мелочам лучше не цепляться. И так, плохо помыв посуду, я легла в чужую кровать и уснула. А в двухстах семидесяти пяти милях моя мама уже умерла.

На следующий день — невозможно ясный для февраля — после обеда зазвонил телефон. На экране высветился мой домашний номер. Я не успела подойти, и экран погас. Затем вспыхнул снова: голосовое сообщение. Сколько раз я говорила папе, чтобы он не оставлял голосовые сообщения, — как об стенку горох. Я раздраженно закатила глаза. Знает же, что не люблю голосовые сообщения.

Я неохотно прослушала сообщение, сидя на унитазе. Папа лишь сказал, чтобы я ему перезвонила, но я сразу поняла: что-то случилось. Я повесила трубку и позвонила домой. Он ответил сразу. И хотя мне не хочется вспоминать о том, что было дальше, я помню все.

Смерть близкого человека возлагает на нас неизбежную обязанность: сообщать о случившемся окружающим снова

и снова. Неудивительно, что с каждым разом это становится легче, хотя неловкость так до конца и не пропадает; тебе словно стыдно, и ты извиняющимся тоном произносишь: «Мне очень жаль, у меня плохие новости». Неловкость усиливается, когда ты сталкиваешься с потрясением и печалью окружающих; кажется, что твое горе для них — источник неприятностей. И это приносит чувство вины, от которого ты готова провалиться сквозь землю.

Но ко всему постепенно привыкаешь. А как же иначе? Когда каждый день в течение многих лет один и тот же диалог повторяется, ты создаешь формулу, благодаря которой все проходит как можно более безболезненно. Находишь способ облегчить шок и сообщаем о случившемся быстро, словно срывая пластырь. Может, даже пошутишь слегка ближе к концу разговора, для разрядки напряжения. Но ничего не сравнится с первым разом, когда приходится произнести те самые слова.

Я вернулась в спальню, где Сэм читал книгу. Он посмотрел на меня и явно удивился, что я изваянием застыла на пороге. Но его взгляд был спокойным, ведь это не его жизнь только что перевернулась из-за одного-единственного звонка.

— Моя мама... умерла?

Мне было так трудно произнести это — физически трудно, — что, когда у меня получилось, где-то внутри словно прорвало плотину. Горе захлестнуло многометровой волной, хлынул по венам адреналин, и я поняла, что сейчас меня стошнит или я упаду в обморок. Меня в буквальном смысле сбило с ног; я сложились пополам и упала на колени. Наверное, я напоминала какую-нибудь героиню древнегреческой трагедии — живое воплощение боли.

Моя мама умерла. Моя мама умерла. Моя красивая, чудесная, немного сумасшедшая мама, которая порой так

бесила меня. Та, с кем я разговаривала меньше суток назад. Та, которая шутила про пастуший пирог и подходящую для деторождения фигуру. Она умерла. Из меня словно выкачали весь воздух — так чувствуешь себя после целого дня в аквапарке или когда напьешься и решишь прилечь.

В книге «Боль утраты» К. С. Льюис пишет: «Никто никогда не говорил мне, что горе так похоже на страх. Я не боюсь, но само ощущение очень напоминает страх». Однако в тот момент я поняла, что не могу согласиться. Мне *было* страшно. Я испытывала страх животный, физический. От страха мне захотелось в туалет, меня затошнило, и одновременно я хотела, чтобы меня крепко обняли и долго держали в объятиях. При этом казалось, что стоит кому-нибудь прикоснуться ко мне, и я рассыплюсь на кусочки. Я испугалась, что у меня больше никогда не будет мамы. Испугалась, потому что человек, который любил меня генетически, биологически, по договоренности с самой природой, ушел от меня. Ушел — и мне теперь будет некуда деть всю мою ответную любовь. А еще я вдруг поняла, что совсем не знаю мужчину, в чьей спальне сейчас стою, на чьем унитаже сидела, прослушивая голосовое сообщение. Того, кто в ужасе смотрел на меня, пока я пыталась собрать свои вещи, разбросанные по квартире. И мне стало очень-очень одиноко.

— Хочешь, я поеду с тобой на север? — спросил он.

О нет, конечно же, нет, только не это.

Но внезапно я осознала, что мне предстоит. Я должна вернуться домой. На север. Прямо сейчас. Я работала адвокатом по уголовным делам, и через двенадцать часов мне надлежало явиться в здание Королевского коронного суда в Кингстоне-на-Темзе¹. Я жила в южном Лондоне,

¹ Пригород Лондона. Здесь и далее *прим. пер.*

но все документы по делу находились в северном. А отец жил в Сандерленде, что на северо-востоке Англии.

В воскресенье вечером в здании суда никого не было; я позвонила на мобильный своему начальнику, прервав его выходной, и сообщила о маминой смерти. Я едва выговаривала слова — они застревали в горле. Наконец мне удалось донести свою мысль, и я поспешно повесила трубку. Сэм проводил меня до метро, где мы неловко попрощались. На вечеринку я пришла на каблуках — другой обуви у меня не было, вот я и заковыляла на шпильках вниз по лестнице на платформу станции «Стокуэлл».

Рука об руку с утратой всегда идет оцепенение, встающее стеной между тобой и миром. Из-за него потерявшие близких часто кажутся рассеянными, заторможенными, даже грубыми. Но оцепенение настигло меня лишь несколько дней спустя. Мифические стадии переживания горя, о которых все твердят: отрицание, гнев, торг, депрессия, — не случайны. Это защита — кокон, отгораживающий от реальности. Они ощущаются так остро, что становятся буфером между тобой и новым миром, в котором ты внезапно очутилась. Но все эти стадии начинаются, лишь когда проходит шок. До этого ничто не защищает тебя от мира. Ты словно раздета. Нет, даже не просто раздета: с тебя будто содрали кожу; остались лишь кости и мышцы. Когда в тот день я добиралась из одного конца Лондона в другой, меня ничто не защищало от мира, продолжавшего жить как ни в чем не бывало. Шум повседневности воспринимался как личное оскорбление.

Я организовала поездку — на автомате, как делала уже много раз до этого, будто эта поездка ничем не отличалась от предыдущих. Меня возмутила стоимость билета от Лондона до Ньюкасла, купленного в день поездки, но уже через миг я ужаснулась своим эмоциям и чуть не скатилась в истерику. Не верилось, что окружающие

не чувствуют моей печали, не видят, как она буквально сочится из меня, лежит на мне печатью горя, выделяя меня из толпы.

Поезд до Ньюкасла был забит, как всегда в воскресенье вечером. Люди возвращались домой, чтобы завтра пойти на работу, ехали к своим семьям — кто из паба, кто из гостей. Я втиснулась на место у окна. Не в силах сейчас говорить с папой или своей сестрой Мэдлин, я написала сообщение парню Мэдлин и через секунду увидела, что у меня сел телефон. Теперь мне даже нечем было отвлечься от мыслей о маминой смерти. «Мама умерла, мама умерла, мама умерла», — беспрестанно повторялось в голове под стук колес.

На полпути мужчина, сидевший рядом, спросил, все ли со мной в порядке, и только тогда я поняла, что плачу. «Можете рассказать мне», — предложил он. Я на минутку задумалась, не согласиться ли: в будущем, спустя много лет, я смогу рассказывать эту историю почти как анекдот. «Представьте, — скажу я, — поворачиваюсь я к этому ничего не подозревавшему добряку и выкладываю ему все». *Моя мама умерла, моя мама умерла, моя мама умерла.* Но, разумеется, это не принесло бы мне облегчения. Ведь стоило произнести слова вслух, и они стали бы реальностью. А я не могла, пока еще нет.

Больше всего на свете я боялась, что мама умрет. Страх не был абстрактным. Я много раз задумывалась о том, чего боюсь больше всего на свете, и смерть матери всегда стояла первым пунктом списка. Я вообще тревожный человек — наследственная черта, по иронии передавшаяся мне от мамы. Правда, та страдала тревожностью всерьез и была куда более склонна к фобиям. Страх смерти преследовал ее с тех самых пор, как ее отец умер от рака, — ей тогда было тринадцать. Она обожала собак,

но не разрешала заводить домашних животных, потому что не сомневалась: стоит нам полюбить гипотетического пса, и он тут же умрет. Любила мама и лошадей, в юности много времени проводила в конюшне. Она каталась верхом каждый день, пока в шестнадцать лет не погибла ее лучшая подруга, упав с лошади. С увлечением было покончено. За нас, дочерей, мама тревожилась отчаянно и постоянно. Все родители беспокоятся за детей, но так, как моя мама, — никто. Что бы мы ни делали — вышивали крестиком, играли в теннис, — ей чудилось, что нам грозит опасность. Она могла запаниковать по любому поводу.

Я пошла в маму. Ее темные прямые волосы, голос и смех, амбициозная натура — все это передалось мне, но тревожность в особенности. Тревожность полыхала во мне, затмевая остальные черты. Именно так я себя чувствовала, когда случалось что-то плохое, или грозившее неприятностями в перспективе, или просто новое: будто внутри меня вспыхивало пламя и разгоралось мгновенно, заполняя голову ослепительным сиянием, затмевая все, кроме одной-единственной мысли: *случилось что-то ужасное. Наверное, умер кто-то из близких.*

Чаще всего это чувство возникало, когда звонил телефон. Мама никогда не оставляла голосовых сообщений, зная, каково это — жить в постоянном страхе услышать плохие новости. Этот страх у нас с ней был один на двоих. Вдобавок ко всему она боялась техники и носила в сумочке древний мобильник, здоровый, как кирпич, но никогда его не включала. У нее даже не было электронной почты. Ни разу в жизни она не прислала мне СМС. Но даже будь она самим Биллом Гейтсом или Марком Цукербергом, она никогда бы не оставила мне голосовое сообщение. Потому что мама была мной, только на двадцать девять лет старше. Она понимала мой страх.

Мне даже не нужно было перезванивать папе, чтобы понять. Я прослушала его сообщение и по надломившемуся голосу сразу обо всем догадалась. Всю жизнь я боялась этого момента. И вот он настал, и земля ушла у меня из-под ног.

Вечером позвонил Сэм. Я вышла из своей бывшей детской и спустилась на первый этаж. На мне была та же футболка, что накануне. Я забралась на диван с ногами и сказала Сэму, что ничего от него не жду, никаких обязательств.

— Ты на такое не подписывался. Можешь уйти, и не надо чувствовать себя виноватым.

— Я знаю, — ответил он, — но не хочу уходить.

Еще долго после того, как мы попрощались, я сидела на диване и смотрела на погасший экран.

К тому времени я повзрослела лишь номинально. Мне исполнилось двадцать пять лет. Я жила в трехстах милях от родителей, снимала квартиру, неплохо зарабатывала, представляла других взрослых (и детей!) в суде и отстаивала их свободу. У меня была кошка! Но в душе я оставалась ребенком. И в отличие от сестры, у меня не было того, на кого я могла бы положиться. С Сэмом мы просто флиртовали в интернете и пару раз вместе поужинали.

Я не помнила, когда видела маму в последний раз. Наверное, на Рождество. Умирала ли она уже тогда? Начал ли ее организм незаметно отказывать? Догадывалась ли она, что серьезно больна? Не знаю, но думаю, ответ на все вопросы — да. Вдобавок к технофобии мама страдала боязнью докторов и всячески избегала их, но я подозреваю, что она знала: что-то с ней не так. Теперь это уже не имело значения. Случившегося не исправить. С другой стороны, мне было важно об этом знать. Важно. В детстве у нас с сестрой была любимая книжка «Совята ждут маму» Мартина

Уодделла. В ней три маленьких совенка однажды просыпаются и видят, что мамы нет. Сара и Перси — те, что постарше, — относительно спокойны. «Наверное, она полетела охотиться, раздобыть еды», — говорят они. Но Билл, младший, безутешен. «К маме хочу», — повторяет он. Мы эту книгу читали раз сто. Такая простая история, и предсказать, что подобное случится с нами, было невозможно. Само собой, в конце мама-сова возвращалась. «И что вы переполошились?» — спрашивала она.

Мамин пастуший пирог Сэм так и не попробовал. И я тоже долго не могла притронуться к этому блюду. Смерть делает самые банальные вещи болезненными: даже у картофельного пюре появляется привкус горя. Нужно очень потрудиться, чтобы снова полюбить все то, что раньше радовало.

Одно из моих любимых воспоминаний о маме: она стоит на кухне и аккуратно режет овощи мелкими кубиками; запах лука-порей, обжариваемого в сливочном масле, разносится по дому, и консервированная фасоль — неперенный гость на нашей кухне — шлепается из банки в сотейник с характерным *плюх*. В этом рецепте я использовала соус Henderson's Relish йоркширского производителя — заменитель вустерского соуса для веганов, — но вы можете использовать обычный вустерский соус¹, он отлично подойдет. Мама всегда утверждала, что ее пастуший пирог волшебный. Оказалось, так и есть.

¹ Сладкий пряный соус, изготавливаемый из уксуса, жженого сахара и анчоусов, часто применяется в английской кухне. Также его называют ворчестер, ворчестерский, вустерширский. Его можно попробовать заменить устричным соусом, соевым соусом или бальзамическим уксусом.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

